

ГЛАВА 1

Зима. Пушистый снег выпуклыми сугробами торжественно улёгся на землю. Изогнутыми линиями серебристого инея он окутал ветви деревьев, взбитыми перинами вольготно примостился на крышах домов. Связующие нити-тропинки растянулись в разные стороны. Они то бегут параллельно друг другу, то пересекаются, образуя маленький вытоптаный множеством валенок пятачок.

В русских селах и деревнях издавна отмечались Святки. Время, когда солнце поворачивалось с зимы на весну, считалось гранью между мирами. До сих пор существует суеверие, что в канун Рождества, с появлением первой звезды и до освящения воды на Крещение любая нечисть легко привязывается к людям.

Эта история произошла в далёкие семидесятые. В посёлке Михалёво, несмотря на запреты властей, люди не изменяли традициям предков. С давних пор повелось, что в эти дни гармонисты, вывернув полушубок наизнанку, собрав соседских ребятишек, ходили по домам со святочными песнями, прибаутками. Их гостеприимно встречали, щедро угощали. Молодые девицы разными способами пытались узнать о своём суженом, особенно в Рождественский Сочельник. Парни

во время святок вольничали: у нерадивых хозяек могли развалить поленницу или дверь подпереть.

В тот год в ночь перед Рождеством ударил лютый мороз, да такой, что жители посёлка на улицу нос не могли высунуть, не то что колядовать. Но семиклассниц-подружек холод не испугал. Лиля, Валя, Оля и Надя решили сходить в баню, где работала кассиром мама Лили, а потом устроить гадания. Обычно они ходили перед самым закрытием.

В назначенный час подружки, энергично потирая варежками замёрзшие коленки и покрасневшие щеки, прибыли в баню. Шумно скидывая заиндевелые пальто и шапки на лавку, зябко ёжась, плотно обступили горячую батарею. Лилия, собрав у подруг мелочь, прошла в кассу. Монеты высыпала на тарелку и уточнила у мамы, сколько там человек ещё моются. Мать ответила, что одна. Девчонки, лукаво переглянувшись, попросили тётю Олю рассказать о Баннике.

– Ну, коли вам неймётся – расскажу. Эта баня каменная! Построили её в пятьдесят шестом году. Раньше, где сейчас клуб, стояла банька маленькая, деревянная. Воду с реки вёдрами на коромыслах носили. Первыми мыли сезонных рабочих. Они летом на заготовку торфа приезжали. Потом нас, механизаторов, местных жителей, в баню пускали. А чего в ней делать-то, коли воды нет, – тётя Оля горделиво

улыбнулась. – Здесь-то, заметьте, сразу скважину пробурили. Баня по уму сделана: слева от кочеварки – прачечная, справа – два отдельных входа: один – в летние души, другой – в баню.

– Мам, да про баню-то мы всё знаем, ты о Баннике расскажи, – оборвала дочь.

– Так я и говорю. Деревянная баня в центре посёлка стояла. Около неё барак стоял. Однажды он, как непотушенный уголёк, ветром раздутый, вспыхнул! Огонь разбежался в мгновение ока! Жители кто в чём на улицу высказывали. Пытались тушить, да куда там! Пламя только жарче разгоралось. Аннушка Титова, как увидела пожар (да вы её должны знать – небольшого роста, сухощавая набожная старушка), сразу домой побежала. С иконой в руках да с молитвой вокруг барака обошла, огонь начал утихать и совсем погас.

Только барак после пожара отремонтировали, жильцы в свои квартиры переехали, как вновь огненные языки брёвна обливали. И всё в одном месте вспыхивало. Дом в дымящую головёшку превратился. Аннушка в тот день из города поздно вернулась. Подошла к пепелищу, начала охать, мол, это Банник озорует. Показала мне тропку от бани к реке. Я глянула – и правда: какие-то неведомые следы, будто кто босыми ногами прошлёпал. А след-то какой-то нечеловеческий, намного длиннее и шире. Аннушка сокрушалась, что на пути Банника барак неприступной крепостью встал, и ему, горемыке грешному, никак не обойти препятствие, вот и осерчал. Глава посёлка всё слышал, решил здесь, на окраине, кирпичную баню построить.

– Мам, ты опять про баню, – недовольно фыркнула дочь.

– О чём разговор? – вышла из раздевалки тётя Дуся. – Эх, хорошо попарилась! Ольга Борисовна, спасибо за пар!

– На здоровье! – отозвалась кассирша. – О Баннике.

– Ох, уж эти бани да Банники! – она махнула рукой и поставила сумку на стул. – У нас в деревне баня по-чёрному топилась. Как-то мы с мужем приехали погостить. Матушка обрадовалась, баню затопила и в дом вернулась. Петруша решил помочь, дров подкинуть. Только было вышел из избы, как вдруг обратно вбегает, бадью с водой хватает, глаза ошалелые, руки, ноги трясутся, на баню показывает,

бормочет невнятно: «Пожар... Дым... Двери... Окна...» Ну, тут мы с матушкой смекнули: не видал парень, как по-чёрному бани топятся. Взяла тогда я его за руку и повела показывать. Он, да и вся его семья раньше в печи мылись.

– По-чёрному – это как? – уточнила Лиля.

– У печи трубы нет, на подтопке – бак с водой, дым выходит в отверстие в крыше да в раскрытые окна и двери.

– Там же сажа кругом, – уточнила прагматичная Ольга Борисовна.

– Без сажи никак. И стены, и потолок – всё чёрное. Зато какой воздух?! Словами не передать! А сажу, так бывало, сырой тряпкой оботрём со скамьи и садимся, ничего в этом страшного нет. Она же как антисептик.

– Я бы не пошла в такую баню, – сморщилась Оля.

– Не видали вы, девоньки, настоящей бани!

– Да и ладно, – подмигнула подругам Лиля, попробовала разговорить женщину. – О Баннике расскажете?

– О Баннике-то? – задумчиво отозвалась та. Тяжело вздохнув, начала. – Ох, я ещё девчонкой была, – может, как вы теперь. Раз с подругами в Святки решили погадать. Сговорились в полночь вместе к бане пробраться. Дверь настежь распахнули и стали подола задиравать, ждали, кого какой рукой Банник потрогает.

– И что? – переглянулись девчонки.

– В общественной бане гадать не станешь. В такую стужу подола не подымешь – обморозишься, – насупилась Лиля.

– Видать, приглянулась я Баннику... изо всех девчонок одна замуж вышла, – тётя Дуся поджала губы, – остальных война проклятая забрала. Хорошо, что меня сюда отправили... жива осталась.

– Комбинат заботился о нас, – поддакнула Ольга Борисовна. – В войну карточки выдавали: моей тётке шестьсот граммов хлеба в день положено было, мне – двести пятьдесят. А кто совсем плох, талонами на дополнительное питание обеспечивали.

– Рыжова Евпраксия Ивановна – твоя тётка? А Никитина Александра – мать? – оживилась тётя Дуся. – Кто первым на посёлок приехал?

– Они самые! Первыми в тридцать втором году явились Константин Карпов с женой, моя тётка позже прибыла. Я к ней в сорок третьем прикатила. В сорок шестом мама из колхоза

с двумя ребятишками сбежала к нам, даже трудовую книжку не забрала. Голод в тот год свирепствовал. Неурожай страшный. Мама рассказывала: «Человек идёт, идёт, упадёт, смотришь – мёртвый лежит. Хуже, чем в войну».

– Говорят, здесь пленные поляки жили?!

– Чего тебе поляки-то дались? Тётка рассказывала, что жили они в бараке, но недолго. Посёлок не бомбили, немецкие самолёты только до Сокола долетали, хотели взорвать северную железную дорогу и мост через Сухону-реку.

– Ой, пора мне! Муж заругает, – заторопилась тётя Дуся, широко распахнув дверь, исчезла в морозном мареве.

ГЛАВА 2

Девчонки умчались в раздевалку.

– Вот ключ, изнутри запришь, – строго приказала мать. – Я бельё прополощу, домой вместе пойдём.

Лиля заперла дверь. Скинув одежду в раздевалке, прошмыгнула в парную. Из ковшика плеснула воду на раскалённые камни, уселась между подругами на полог.

– Как выглядит Банник? – рассуждала Надя.

– Знаете, а тётя Дуся не зря разговор в сторону увела, о Баннике, которого её Петруша видел вот в этом углу. Промолчала... – Лиля показала рукой под лестницу.

– Откуда знаешь? – сощурила глазки Валя.

Лиля прикрыла пальцем рот, будто кто-то мог её услышать, вполголоса продолжила:

– Ш-ш-ш... Я подслушала разговор мамы с соседкой. Оказывается, этот Петруша как-то раз в баню пришёл, когда никого из мужиков уже не осталось. И в парилке то ли заснул, то ли и вправду увидел, как Банник недовольно фыркает. Тогда он резво вскочил, выбежал в раздевалку, бельё сгрёб в охапку и опрометью пронёсся мимо мамы. Она на другой день обо всём узнала.

– Какой он – Банник? – ткнула подругу в бок Надя.

– Петруша видел низенького старичка с длинными белыми кудрявыми волосами, покрытого листьями от веника.

– Где он живёт? – любопытничала Валя.

– Здесь. Слышите? Чешет спину о стену, – расмеялась Лиля.

Послышался какой-то шорох. Улыбки у девчат разом исчезли, с оглушительным визгом они выскочили из парной, бросились в раздевалку. Встали за дверь и, задерживая разгорячённое дыхание, прислушивались к каждому шороху. В моечном отделении наступила неловкая тишина. Лиля, как самая смелая, приоткрыла дверь, осмотрела помещение. По правой стене стояла скамья с чистыми тазами, с обеих сторон от неё находились полки, над которыми располагались краны с горячей и холодной водой. Это общая стена с кочегаркой. На следующей – напротив их находились летние души, с наглухо закрытой дверью. Левее – два душа с небольшой перегородкой, там тихо. За душами – распахнута дверь в парную, там пусто. По третьей стене – два больших окна, стёкла покрыты изморозью. Свет уличных фонарей рассеивался в узорной наледи. В центре бани – два ряда деревянных скамеек.

– Никого! Померещилось! Пошли мыться!

Девочки, озираясь по сторонам, вернулись в моечное отделение.

Ольга, набрав в таз воды, мыла свои длинные, роскошные волосы. Надя встала под душ, тёрла пемзой пятки. Валя намыливала мочалку. У Лили закончилась вода. Она взяла со скамьи таз, пошла её набирать. Только открыла краны, как с жутким скрипом распахнулась дверь в летние души. Она зарделась в смущении и завизжала. Свет погас. В тёмном проёме, в клубах морозного воздуха показался высокий чёрный силуэт. Блики уличного фонаря сквозь незамёрзшие стёкла окна летних душев освещали голову, отчего кончики кудряшек казались серебряными. В висках у Лили пульсировала одна мысль: «Банник! Это ОН!» Она закричала:

– Банник! В летних душах Банник!

Подруги замерли. Лиля, ладная, крепко взбитая девчонка, объятая страхом, бросила таз. Призрачной тенью скользнула к окну, мгновенно взобралась на подоконник, с силой дёрнула шпингалет форточки; та податливо распахнулась, разом раскрыла и вторую. Не помня себя, вылезла на улицу, спрыгнула в сугроб. Ледяная корочка под ногами хрустнула, но Лиля, ничего не замечая, испуганной рысью сделала несколько отчаянных прыжков; выбралась на тропинку, от нетерпения

дергая ногами, приплясывала всем телом в ожидании подруг.

За ней следом вылезла небольшого роста, гибкая, голубоглазая, светловолосая Надя. Бойкая, весёлая Валя, откровенно разозлившись, швырнула мочалку в таз, покорно махнула за Надей. Высокая, стройная, своенравная Ольга тщетно старалась смыть пену с лица и, плюнув на всё, закинув мыльные волосы на затылок, лихо сиганула на улицу. Нестерпимый холод обжёг распаренные девичьи тела. В ушах звенел зловещий хохот Банника, казалось, он вот-вот выскочит из форточки. Подруги помчались в прачечную.

Тётя Оля опешила. Девчонки наперебой объясняли, что случилось.

– Тише-тише, говоруньи мои! Не все разом.

– Свет-т-та нет-т-т. В душ-ш-шах Бан-н-ник! – лихорадочно стуча от страха зубами, отвела дочь.

– Вот я ему сейчас! – мать взяла отжатую простынь, погрозила незваному гостю. – Короты намыты, набирайте воды. Сейчас разберусь, кто там озорует.

– Не надо! – с горящими, как угли, глазами, завизжали девчонки.

– Ну, не бойтесь, меня-то он не тронет.

Тётя Оля скинула старые шлёпки, сунула ноги в валенки и, накинув пальто, вышла.

ГЛАВА 3

Кочегары увидели в окно, как в люстру стужу четыре девицы, друг за дружкой, голяком, промчались мимо. Они остолбенели.

Семён Семёныч опомнился первым, посмотрел на гвоздь, где должен висеть ключ и, поняв, в чём дело, заторопился в летние души:

– Ишь, стервятники! Чего удумали?!

Напарник не отставал. Только повернули за угол, смотрят: на крыльце в летние души копошатся их сыновья, вроде как замок запирают. Одному шестнадцать, другому четырнадцать лет. Отцы бесцеремонно отвесили подзатыльники и, схватив за шиворот, потащили их в кочегарку. Усадив перед собой, начали допрос:

– Вы что это проказничаете?! Девочек да в такой мороз на улицу выгнали! А если бы с ними что случилось?!

Гришка, парень, что постарше, сын Семёныча, потёр ушибленное место:

– Чего они заладили: Банник, Банник. Решили им показать Банника.

– Где прятались? Когда ключ умыкнули? – вопросы сыпались, как орехи с дерева.

– Ключ ещё вчера с гвоздика сняли, когда вы уходили дрова с вагонеток скидывать. Сегодня не рассчитали малость. Пришлось долго в душах сидеть, ждали, пока тётя Дуся вымоется. От мороза аж скукожились все.

– И её напугали? – поднял вверх тяжёлый кулак Семёныч.

– Нет. Тихо сидели. Когда в предбанник ушла, Колька в раздевалку пробрался: рубильник-то там.

– Где спрятался?

Колька густо покраснел:

– В туалете.

– Что дальше? – хмуро посмотрел на сына Валерий Александрович.

– Когда Лиля завизжала, я свет выключил, – шмыгнул носом Колька.

– А когда Лиля завизжала? – тряхнул сына Семён Семёнович.

– Когда я дверь открыл.

– Ну всё! Теперь жениться придётся! Девку голую видел, никуда теперь не денешься!

Парни и кочегары вздрогнули от неожиданности. Повернулись к дверям, где, как с мечом, с простыней в руке стояла Ольга Борисовна.

Парни соскочили:

– Жениться?

– Жениться-жениться. Раньше девки на суженых гадали, а теперь парням неймётся. Что ж, вы их сегодня увидели, так что невест своих, считай, выбрали, – то ли шутила, то ли серьёзно рассуждала билетёрша. – А теперь марш отсюда, чтоб духу вашего здесь не было и никому ни гу-гу.

Гришка, высокий и худой, как жердь, парень с длинными золотыми кудряшками на голове, бочком-бочком протиснулся мимо билетёрши и пустился наутёк. Колька, чуть пониже и шире в плечах, с вихром чёрных, как у цыганёнка, волос над высоким лбом, прищурил карие глазки, хотел было что-то возразить, но, передумав, кинулся вслед за другом.

– Мужики, дверь в баню изнутри заперта. Дайте ключ от летних душев.

Кочегары переглянулись:

– Дык... мы...

– Да они...

– Чего замычали-то?! Вон ключ на гвоздике висит. Девчонки через форточку вылезли, а ключ от бани в раздевалке остался. Я через души зайду, вещи заберу, всё закрою.

– Чего спрашиваешь, бери, да и всё! – дёрнул за рукав напарника Семёныч.

Кассирша, шагая по тропе, увидела следы, но они совсем не такие, как ей когда-то показала Аннушка. Женщина остановилась на крыльце: отпечаток, размером с мужской валенок, был мокрым. Сомнения закрадывались в душу: парни ли напугали девчонок?! Может, и впрямь Банник?! Ольга Борисовна смело вошла в баню. Свет горел. Из двух кранов хлестала вода. На полу огромная лужа. «Вот стрекотухи, воду не закрыли! Как Колька тут пробрался?» – проворчала в сердцах кассирша. Дотянулась до одного крана, потом до другого. Её валенки насквозь промокли. Вот откуда следы на снегу – от Колькиных валенок. Она прошла к душе, закрыла краны, захлопнула форточки и дверь в парную. Пройшла между скамейками, собрала банные принадлежности.

В шкафчике Лили сняла с крючка ключ, засунула в карман. В кассе, сняв сырые валенки, поставила их сушиться на батарею. Обула сапоги, нашла верёвку. Вернулась в раздевалку. Пальто и валенки девчат стянула, как вязанку дров, перекинула через плечо. Шапки и остальную одежду распихала по сумкам, нацепила их на левую руку, правой дотянулась до рубильника; на ощупь выползла на улицу. Заперла дверь. Неуклюже ковыляя с большой ношей, вернулась в прачечную.

ГЛАВА 4

Девчонки забрались в корыта, отогревшись в тепле, расслабились. Надя предположила, что это каждая из них живёт в городе в благоустроенной квартире и перед сном принимает ванну. Валя подхватила, мол, в ванной-то хорошо, да

только пены маловато: сколько бы она мочалку ни намыливала, пены нет. Оля подковырнула, сказав, что она в городе в магазине видела пену для ванны.

Семиклассницы фантазировали наперебой! Они придумывали, у кого какая будет квартира. Кто на каком этаже предпочёл бы жить. Всем хотелось иметь дома телефон.

– У меня будет цветной телевизор, – выпалила Надя. – Размером, как экран в клубе!

– Ну, загнула! – усмехнулась Валя. – А я хочу машинку стиральную, чтоб сама стирала, поло-скала, гладила.

– И бельё развешивала! Не о том мечтаем! – приняла серьёзный вид Оля. – Я хочу семерых детей.

– Чего? – тётя Оля не смогла скрыть удивление. – Сколько?

– Семерых! У вас в семье пять детей, у Нади – четверо, у Вали – трое. Мы с сестрой вдвоём. Скучота! Когда много детей, знаете, как весело?!

– Как не знать?! – ухмыльнулась мама Лили.

Сама Лиля выглядела какой-то отрешенной, мылась молча.

Тётя Оля дополоסקала бельё, сложила в корзину. Подружки оделись и решили разойтись по домам, настроение гадать пропало.

Пока тётя Оля заносила ключи в кочегарку, девчонки подошли к бане и с недоумением посмотрели на окна.

– Интересно, как это нам удалось вылезти в такую маленькую форточку?! И почему не через дверь? – вновь заговорила Лиля. Силуэт Банника тут же встал перед глазами, она осознала, кого из мальчишек видела в летних душах, но промолчала.

...Прошло несколько лет. Подружки, окончив школу, разъехались кто куда, но по возможности приезжали домой, чтобы снова побыть вместе.

Валя нашла работу по душе в областном центре. Трудиться приходилось по скользящему графику, поэтому приезжала только после ночных смен, в середине недели. Надя училась в Вологде в кооперативном техникуме на бухгалтера, приезжала редко, только на праздники, да в каникулы. Ольга после окончания десятого класса устроилась работать в сапожную мастерскую. Лиля поступила в Сокольское

педучилище на воспитателя, готовилась к сдаче госэкзаменов. В тот день она одиноко сидела в вагоне, изучала билеты.

Вдруг над ухом прозвучал приятный баритон:
– Привет!

Девушка встрепенулась: перед ней стоял Он, высокий и худой, как жердь, в морской форме, с коротким ёршиком золотых волос и небесно-голубыми, какими-то необыкновенно родными глазами. Вернулось чувство, будто она вновь в трескучий мороз вылезла в форточку.

– Опять ты?! – то ли от воспоминаний, то ли от пристального взгляда Лиля вновь ощутила ледяную корочку под ступнями.

– Почему опять? – оголил ровный ряд белых жемчугов юноша. – Еду домой, демобилизовался.

– А-а-а, – стыдливо разругалась девушка.

– Танцы в клубе будут? Я вечером за тобой зайду?

– Зачем за мной? Не надо за мной. Я с подругами.

– Договорились! – Гришка скрылся в тамбуре.

Лилю одолевало любопытство: почему он к ней подошёл? Раньше она ни на кого из парней даже смотреть не хотела, отшучиваясь, что ждёт рыцаря своей мечты. А сейчас, где-то там, в самом потаённом уголочке её души, что-то беззвучно щёлкнуло, туго сжатая пружинка начала выпрямляться, запустив тем самым крошечный механизм. Её Величество Любовь воспарила за спиной Лили незримым белокрылым ангелом.

На танцах Гришка щеголял в военной форме. Девушки назойливыми сороками вились вокруг красивого статного матросика. А он, никого не замечая, не отходил от Лили ни на шаг.

Вечером напросился проводить её до дома, а она и не возражала.

Прогулки вдвоём стали обычным делом. Лиля тонула в нежных объятиях Гришки, об учебе думать не хотелось. Пара уходила за околицу, садилась на опрокинутое ветром дерево и до утра слушала завораживающие звуки природы: пение птиц, шелест листвы. Накопившееся за день напряжение растворялось в небытии. Влюблённые не замечали времени. Мелодия ветра убаюкивала и каждый раз была разной. Ветер то ворчал беззубым старичком, то срывал и бросал зеленые листки к ногам юноши и девушки, то мурлыкал довольным котёнком.

Месяц пролетел одним днём. Гришке пора было выходить на работу. До армии он работал слесарем на заводе в Вологде. Лиля изнывала от неопределённости и как бы невзначай призналась, что скоро уедет по распределению.

Гришка, не предупредив никого, на следующий же день пришёл с родителями свататься.

– Ну что, тёща? Вот я и пришёл! Отдашь за меня Лилю?

Ольга Борисовна, с укоризной взглянув на жениха, прижала указательный палец ко рту: мол, девчонки до сих пор ни о чём не догадываются, а вслух ответила:

– Ох, не зря, видно, с утра пирогов напекла. Проходите, гости дорогие! Чем богаты, тем и рады!

– У нас купец, у вас товар... – торговались сваты.

Свадьбу сыграли в местной столовой.

Вечером Гришка признался, что он и есть тот самый Банник! Лиля, прижавшись к плечу мужа, тихо прошептала, что узнала его по кудряшкам...